

Стоило двери открыться, как Дуань Минчэнь находил повод пообедать с Гу Хуайцином и засиживался у него допоздна.

Однако после той ночи он вёл себя как примерный джентльмен, не позволяя себе ничего лишнего. Гу Хуайцин же, человек незлобивый, постепенно вернулся к прежним приятельским отношениям.

Однажды Дуань Минчэнь вернулся домой с клеткой, накрытой чёрной тканью. Он осторожно поставил её в угол и, даже не сняв служебного халата, пошёл на кухню, ведомый аппетитным запахом.

Сын теперь каждый день являлся к ужину, и госпожа Дуань, души в нём не чаявшая, с радостью бралась за готовку. В иное время она и не утруждала бы себя.

Госпожа Дуань в цветном фартуке напевала, управляясь у плиты. Сегодня на столе были блюда цзяннаньской кухни: рыба «белка», креветки «Лунцзин», курица в вине «Хуадяо» и яичный суп с фаршем и пастушьей сумкой. Три блюда да суп — лёгкие, изящные, с прекрасным цветом и ароматом, просто слюнки текли.

Дуань Минчэнь попробовал курицу и похвалил:

— Матушка, с каждым днём у тебя получается всё лучше!

Госпожу Дуань похвала растрогала, но на словах она ворчала:

— Эх, ты только и знаешь, что пользоваться старой матерью. Когда же ты наконец приведёшь в дом добрую невестку, чтобы и я могла отдохнуть, попробовав её стряпни?

Опять за своё... У Дуань Минчэня заныл висок. Он засунул в рот кусок курицы, делая вид, что жуёт, лишь бы не отвечать.

— Не жуй как есть! Слушай сюда. Завтра пойдёшь со мной в дом маркиза Юньяня.

— В дом маркиза Юньяня? — перед глазами Дуань Минчэня тут же возникло надменное лицо госпожи маркиза и непристойная сцена, где наследник Янь Цзюнь стонал под Сяо Цзюэ. Он равнодушно произнёс:

— У нас с домом маркиза нет особых связей. Зачем идти?

— Вторая дочь маркиза Юньяня в этом году совершает обряд цзи... — госпожа Дуань говорила, полная надежды.

Старшая дочь маркиза Юньяня славилась красотой и талантами, выйдя замуж за сына министра ритуалов. Янь Цзюнь тоже был видным юношей. А вот о второй дочери слухов было мало.

Девушки из знатных семей обычно обручались в тринадцать-четырнадцать, а после цзили — совершеннолетия — официально выходили замуж. Если к цзили девушка оставалась без пары, значит, либо с ней что-то не так, либо семья слишком привередлива. Со второй дочерью маркиза особых проблем не было — разве что внешность попроще да характер потише. Потому и выбор жениха для неё был не таким лёгким, как для сестры.

Госпожа Дуань принялась объяснять:

— Говорят, вторая барышня — тихая, добрая, почтительная. Молчалива немного, зато здоровая крепкая. Сама госпожа маркиза прислала приглашение, вот я от твоего имени и согласилась.

Она, конечно, предварительно навела справки. Девушка хоть и полновата, и скучновата, зато статна, бёдра широкие — сразу видно, ребёночка выносит легко. О недостатках она умолчала — как бы сын не взбрыкнул.

Молодые мужчины, конечно, любят глаз порадовать. Но госпожа Дуань считала, что красота — не главное в жене. Лишь бы здоровая была да характер спокойный. Таланты и внешность — дело второе. Тем более её сын уже не мальчик, да и с помолвками ему не везло — то высоко, то низко, подходящую пару и так не сыщешь.

Дуань Минчэнь, как начальник Гвардии в парчовых халатах, имел доступ к любой информации. О нравах в домах столичной знати он знал всё, включая самые грязные секреты. Что представляла собой вторая дочь маркиза, он понимал и без материнских объяснений.

Дом маркиза Юньяня — трясина, где всё переплетено. Дуань Минчэнь чувствовал, что с такими семьями лучше дела не иметь. Да и сердце его уже было занято — какое уж тут сватовство.

Медленно прожевав курицу, он взял заранее приготовленный лакированный судок и начал накладывать туда лучшие куски.

— Как не вовремя. Завтра командующий Лю вызывает меня по служебному делу. Вернусь, наверное, поздно.

Госпожа Дуань прищурилась. Сын теперь каждый день домой являлся, а как только речь о смотринах зашла — сразу дела! Не бывает таких совпадений.

— Завтра нельзя — значит, послезавтра. И не смей отнекиваться!

— Матушка! — вздохнул Дуань Минчэнь. — Не гоже нам с домом маркиза тягаться. Откажитесь, и всё.

— Что значит «не гоже»? Какие глупости! — вспыхнула госпожа Дуань.

— Короче, эта партия не подходит. Вежливо откажитесь. Ладно, я понесу еду Хуайцину, а то остынет. — С этими словами Дуань Минчэнь схватил судок и, проворно юркнув в дверь, прихватил по пути ту самую бамбуковую клетку из угла.

— Эй! Ах ты, сорванец! Вернись сию же минуту! — Госпожа Дуань в ярости затопала ногами, но Дуань Минчэнь, долговязый да ещё и с лёгкой походкой, был уже далеко.

С судком и клеткой в руках он пришёл к дому Гу Хуайцина. Привратник, давно к нему привыкший, без лишних слов впустил.

Гу Хуайцин только что вернулся из Восточной Ограды, даже не успев сменить служебный халат и головной убор.

Увидев судок, он без лишних слов уселся за стол, а слуга тем временем принёс две пары палочек.

Дуань Минчэнь снял крышку с чёрного лакированного судка и стал выставлять на стол ещё

тёплые кушанья.

— Ух, сегодня опять пир! — Гу Хуайцин сложил руки на груди, и его ясные глаза загорелись неподдельной жадной вкусной еды.

Дуань Минчэнь с улыбкой налил ему пиалу супа с яйцом и пастушьей сумкой и подал:

— Сначала выпей супчика, желудок согрей.

Гу Хуайцин сделал глоток, и глаза его радостно прищурились:

— Как свежо!

Дуань Минчэнь положил кусок рыбы, тщательно выбрал все кости и поднёс ко рту Гу Хуайцина:

— Эту рыбу рыбаки на рассвете из реки выловили, принесли ещё шевелящуюся. Попробуй, хороша ли?

Рыба «белка» — классическое цзяннаньское блюдо, сладкое с лёгкой кислинкой. Гу Хуайцин, большой любитель сладкого, пришёл в полный восторг.

Дуань Минчэнь, кажется, вошёл во вкус кормления. Покончив с рыбой, принялся за курицу. Гу Хуайцин ни в чём не отказывал, с удовольствием поглощая угощения.

Два взрослых мужчины вели себя так слащаво, что даже слуги Гу Хуайцина отводили глаза. Сами же они ничего не замечали: один увлечённо кормил, другой счастливо ел.

В уголке рта Гу Хуайцина осталась капелька соуса. Дуань Минчэнь по привычке протянул руку, чтобы стереть её пальцем. Гу Хуайцин в тот же миг лизнул губы, коснувшись кончиком языка его пальца. Взгляд Дуань Минчэня мгновенно потемнел.

Гу Хуайцин уловил эту перемену и, вспомнив ту лунную ночь, слегка отстранился:

— Братец, не беспокойся обо мне, ешь сам.

— Угу, — Дуань Минчэнь отвёл руку и принялся за свою пиалу с рисом, но кончики ушей у него порозовели.

Они сидели друг напротив друга, в тишине наслаждаясь угощением, как вдруг раздался недовольный звук.

— Мяу...

— Что это? — Гу Хуайцин поднял голову, огляделся и обнаружил, что звук доносится из бамбуковой клетки у ног Дуань Минчэня.

Тот хлопнул себя по лбу:

— Ах, совсем забыл о нём!

Он наклонился, поднял клетку, осторожно открыл боковую дверцу и ласково позвал:

— Выходи, малыш!

Однако сколько он ни звал, из клетки не доносилось ни звука.

— Что там? — Заинтересовавшись, Гу Хуайцин присел и заглянул в отверстие...

Внутри было темно, и лишь две круглых, изумрудно-зелёных точки светились в черноте. Гу Хуайцин, не ожидавший такого, вздрогнул и ахнул.

Маленький обитатель клетки, видимо, тоже испугался и принялся громко мяукать.

— Котёнок? — удивился Гу Хуайцин.

Дуань Минчэнь кивнул:

— Ага. Ты же жаловался, что в доме мыши завелись. Вот я и поймал тебе кота.

С этими словами он запустил руку в клетку, взял котёнка за шкурку и извлёк наружу, устроив на своей ладони.

Котёнок был меньше его ладони, весь лохматый, словно пушистый комочек.

<http://bllate.org/book/16283/1467071>